

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Марина
СЕРОВА

Проклятие

ЖЕЛТЫХ ЦВЕТОВ

МОСКВА

2 0 1 8

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С32

Оформление серии *А. Старикова*

Серова, Марина Сергеевна.
С32 Проклятие желтых цветов / Марина Серова. — Москва : Издательство «Э», 2018. — 320 с. — (Русский бестселлер).

ISBN 978-5-04-093238-2

Известный скульптор Светлана Родионова сильно напугана, ведь недавно кто-то прислал ей необычный букет из срезанных одуванчиков, внутри которого лежала карточка с угрозой на французском языке. Неизвестный пообещал Светлане, что скоро она умрет. И хотя Родионова догадывается, кто ей угрожает, она не спешит делиться информацией с нанятым ею для охраны профессиональным бодигардом Евгенией Охотниковой.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-093238-2

© Серова М.С., 2018
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2018

ГЛАВА 1

Ремесло скульптора традиционно считается мужским, но это не значит, что мир не знает талантливых дам-ваятельниц. Лично мне сразу вспоминается в этой связи творчество Веры Мухиной, создавшей шедевр отечественной скульптуры монумент «Рабочий и колхозница» и не менее гениальный по своей простоте и не превзойденный по своей востребованности граненый стакан. Хотя, конечно же, женщин, чьим рукам подвластны мрамор и гранит по совершенно не понятным для меня причинам меньше, чем мужчин. В моей профессии примерно та же пропорция — среди десяти бодигардов только одна женщина. Но мы нашли друг друга. Точнее, Светлана Родионова отыскала мой номер телефона, позвонила, и вот теперь я ехала в ее мастерскую, расположенную в районе Соколиной горы.

В багажнике моего «Фольксвагена» лежал «тревожный чемоданчик», хотя если быть до конца откровенной, то это был достаточно боль-

шой чемодан на колесиках, в котором с трудом умещалось все то, что мне могло понадобиться для выполнения моих прямых обязанностей. Это раньше, когда я служила в особом подразделении, мой «тревожный чемоданчик» действительно был небольших размеров, и в нем не было места для разных женских штучек вроде вечернего платья, туфель на шпильках и наполненной до отказа косметички.

Когда меня вызывали по тревоге, я обычно надевала камуфляжный костюм и косметикой пользовалась по минимуму, а то и вовсе обходилась без нее. Хотя иногда были задания, требующие креативного подхода, знаний светского этикета и навыков обольстительницы. Нас все-му этому обучали в Ворошиловке, и теперь мне эти знания и умения пригодились в моей нынешней профессии, причем ничуть не меньше, чем умение метко стрелять с обеих рук из всех видов оружия, владение приемами различных единоборств и способность выживать в экстремальных условиях.

Будучи ребенком, я и представить себе не могла, какая судьба мне уготована. Как и многие мои сверстницы, я мечтала о карьере артистки, о ролях, которые принесут мне престижные награды, но все-му этому не суждено было сбыться, хотя любовь к кино я сохранила до сих пор.

Мой отец был военным и служил на Дальнем Востоке. Случилось так, что моя мама умерла от неизлечимой болезни, когда я была еще ребен-

ком. Папа долго не ходил вдовцом, он женился повторно быстрее, чем на могиле моей мамы зацвели первые высаженные мною цветы. Я не могла простить ему такого предательства. Жить под одной крышей с абсолютно чужой мне женщиной оказалось непросто, поэтому я не очень-то сопротивлялась, когда отец решил отдать меня в спецшколу. Физически и морально я была подготовлена к тому, чтобы стать универсальным бойцом или солдатом невидимого фронта, в зависимости от того, какую задачу мне следовало выполнить. Отец с раннего детства тренировал меня по собственной методике. Он хотел отрабатывать ее на сыне, но родилась я и получила имя, которое было заготовлено для мальчика, но, разумеется, в женском варианте — Евгения. Как выяснилось, предопределено было не только мое имя, но и профессия.

Итак, я окончила закрытое учебное заведение, именуемое в народе Ворошиловкой, несколько лет служила во благо Родины, а затем решила резко поменять свою жизнь и поселилась в Тарасове, у своей тетушки по отцовской линии. Вопрос о том, чем заниматься на гражданке, передо мной особо не стоял. Свои знания и умения я стала применять, охраняя жизнь и здоровье обеспеченных граждан.

Перед тем как отправиться на встречу со своей очередной клиенткой, я навела о ней справки в Интернете. Родионова была талантливым скульптором и успешной бизнес-леди. О возра-

сте и внешних данных моей новой клиентки я пока ничего не знала, так как мне не попало ни одной ее фотографии, а вот ее работ в Интернете было много. Кое-что мне даже понравилось, хотя, надо признаться, я не сильна в этом виде искусства.

Припарковавшись около двухэтажного строения, которое целиком и полностью занимали мастерская госпожи Родионовой, ее выставочный зал, школа-студия и офис, я окинула взглядом его фасад и не увидела ни камер видеонаблюдения, ни решеток хотя бы на окнах первого этажа, ни таблички на входе с надписью, что территорию охраняет какой-то ЧОП. «День открытых дверей — ежедневно», — усмехнулась я, закончив профессиональное сканирование фасада. Переключившись на секундошку в регистр простой горожанки, я смогла оценить, что это здание, построенное в середине прошлого века, в отличие от соседних домов, медленно приходящих в упадок, несомненно, радует глаз своей ухоженностью, а также интригует вопросом: «А как дела обстоят внутри?»

Что-то вязавшая бабушка-вахтерша беспрепятственно впустила меня вовнутрь, услышав, что я к Светлане Игоревне. Как же так можно? А если я иду ее убивать?

Найти кабинет хозяйки этого Центра изящных искусств для меня не составило особого труда. Я поднялась по роскошной чугунной лестнице на второй этаж, огляделась и сразу же

шагнула к дубовой двухстворчатой двери. На ней не было никакой таблички, но внутреннее чутье мне подсказывало, что надо открыть именно ее. Сначала я попала в приемную, там меня никто не встречал. За единственным столом стоял компьютер, по экрану которого медленно плавали пузыри. Должно быть, секретарша отсутствовала на своем рабочем месте уже минут пятнадцать, если не больше. Поскольку доложить о моем приходе Родионовой было некому, я постучалась в кабинет и, не услышав отклика, позволила себе открыть дверь и войти.

В просторном кабинете, уставленном букетами с цветами, также не было ни души. Я окинула его беглым взглядом и уже хотела выйти, но мне вдруг бросился в глаза один предмет, выглядывающий из-под стола. Это была лежащая на боку черная замшевая туфля. Неужели я опоздала? Сделав несколько шагов вперед, я зашла за стол и наклонилась. В этот момент в приемной послышались женские голоса. Под столом не оказалось ничего, кроме пары остроносых туфель на высоченном каблуке. Я успела только подняться во весь рост, когда дверь распахнулась. Женщина, появившаяся на пороге, увидела меня, вздрогнула и попятилась назад. «Ни дать ни взять Алла Назимова, звезда немого кино», — пронеслось у меня в голове.

— Светлана Игоревна, простите меня за вторжение, — проговорила я, продолжая нахо-

даться за ее столом. — Я — Охотникова, вы мне сегодня звонили.

— Ах, Евгения, — облегченно вздохнула Родионова. — А я уж было подумала...

— Все нормально? — уточнила секретарша, выглядывая из-за плеча своей начальницы.

— Да, Ника, все в порядке, завари нам чай, — Светлана зашла в кабинет и закрыла дверь. — Евгения, вы что, рылись у меня в столе?

Прежде чем ответить, я вышла в центр кабинета, зафиксировала свой взгляд на балетках, которые были на ногах моей клиентки, затем перевела его на туфлю, торчавшую из-под стола. Родионова поняла, что заставило меня заглянуть под стол, и пояснила:

— Не могу весь день ходить на каблуках, ноги отекают.

— Простите, я должна была проверить, что там, это моя работа.

— Довольно извиняться! Присаживайтесь! — Светлана сделала жест рукой в сторону стены, вдоль которой стояла чередка венских стульев. Я расположилась примерно посередине. Хозяйка кабинета сначала убрала в шкаф свою обувь, внесшую некоторую сумятицу в наше знакомство, а затем подошла к окну, в которое били лучи яркого полуденного солнца. Опустив планки жалюзи, она произнесла, не оборачиваясь: — Я всерьез беспокоюсь за свою жизнь. Мне угрожают, и я хотела бы, чтобы вы, Евгения, были рядом со мной двадцать четыре часа в сутки.

Родионова так и стояла ко мне спиной, то открывая, то закрывая горизонтальные планки жалюзи.

— Светлана Игоревна...

— Можно просто Светлана, — поправила меня клиентка.

— Хорошо, Светлана, — я без труда опустила ее отчество. Клиентка выглядела старше меня лет на семь, не больше. — Вы можете мне рассказать, от кого исходит угроза? Если я буду это знать, мне будет легче вас защитить.

Окно, за которым, по моему мнению, могла таиться любая опасность, не отпускало Родионову. Для нее оно, напротив, было спасением от необходимости сию секунду начать раскрывать свою душу. Она продолжала стоять лицом к окну и играть с жалюзи. В какой-то момент мне даже показалось, что механизм сломается от непрерывной смены режимов. Светлана явно так снимала свой стресс. Уж не знаю, услышала ли она мою просьбу или находилась в плену своих страхов, не обращая внимания на происходящее вокруг. Родионова проигнорировала не только меня. В кабинет заглянула секретарша с подносом, Светлана даже не повернулась в ее сторону. Девушка поняла, что принесла чай с пирожными не вовремя, и закрыла дверь, не решившись войти.

Оставив наконец жалюзи закрытыми, Родионова вдруг резко развернулась, подошла к своему столу, открыла ящик, достала какую-то кар-

точку, положила ее перед собой и уставилась на нее с некой опаской. Затем Светлана передвинула настольную лампу в центр стола, вероятно, собиралась подсветить карточку, но, протянув к ней руку, она ее быстро одернула и шевельнула губами. Вопреки моим ожиданиям Родионова не произнесла ни звука. Я не торопила клиентку, ей определенно нужно было время, чтобы договориться с собой о том, насколько глубоко можно посвятить меня в суть проблемы.

— В пятницу мы отмечаем пятилетний юбилей нашего Центра, — наконец заговорила она. — Уже с утра сыпались поздравления — по телефону, электронной почте и, конечно же, личные. Я весь день встречала гостей, показывала им работы своих учеников и как-то между делом заглянула сюда, в этот кабинет...

— Так, — вставила я в затянувшуюся паузу.

— На столе стоял огромный желтый букет. В первый момент я подумала, что он из мелких хризантем, но, подойдя ближе, я поняла, что он из одуванчиков, — Светлана сделала акцент на последнем слова и замолчала, ожидая моих комментариев.

— Неожиданно, — произнесла я. — Мне всегда казалось, что одуванчики — единственные цветы, которые не продаются. Но, похоже, сейчас стали делать бизнес и на них.

— Одуванчики совершенно не подходящие цветы для букета, — Родионова энергично замотала головой из стороны в сторону.

— Я понимаю, желтый цвет считается цветом разлуки, — заметила я, — да и стоят эти цветы в воде, наверное, недолго.

— В букете оказалась записка. Вот она. — Родионова взяла со стола карточку и, повертев ее в руках, стала читать то, что на ней написано, причем на французском языке. — Знаете, как это переводится?

— Ты будешь есть одуванчики с корня, — произнесла я фразу, которую однажды слышала в Лозанне, столице франкоязычного кантона Швейцарии. Это был фразеологизм и означал он буквально следующее: «Ты скоро умрешь». — Там есть какая-то подпись?

— Нет, только этот короткий текст. Я хоть и учила в школе этот язык, но не сразу поняла, в чем дело. А вы, Женя, похоже, неплохо знаете французский, — заметила Родионова не без удивления.

Она, вероятно, считала, что знание иностранных языков для телохранителя вовсе не обязательно. Представляю, как она удивилась бы, узнав, что я еще и на ретророманском могу свободно изъясняться. Немногие вообще знают о существовании этого языка, хотя на нем до сих пор говорят в Швейцарии. До того как я стала бодигардом, я некоторое время зарабатывала на жизнь переводами.

— Знаю, — скромно заметила я. — Эту фразу не назовешь популярной, ее нет в учебниках французского. Тот, кто ее написал, вероятно, ■

бывал в Швейцарии. Среди вашего окружения есть такие люди?

— Вовсе не обязательно там бывать, — замолчала головой Светлана, — он мог вычитать это в Интернете.

— Кто «он»? — не могла не поинтересоваться я.

— Тот, кто прислал мне тот букет. Ника сказала мне, что его принес курьер, но из какого цветочного магазина была доставка, она не помнит.

— Камер видеонаблюдения у вас здесь нет?

— Нет, — подтвердила Родионова. — Мне как-то неуютно жить под наблюдением, но теперь придется привыкать к этому. Евгения, если вы скажете, что надо установить камеры, какие-то тревожные кнопки, дополнительные замки, я возражать не буду.

— Светлана, а может быть, букет из одуванчиков и записка в нем — это всего лишь чья-то глупая шутка?

— Не думаю. Эта история имела продолжение. Если сюда принесли профессионально оформленный флористом букет, то около нашей квартиры разбросали одуванчики, вырванные из земли с корнем. Потом меня пытались подрезать на дороге, я едва не въехала в столб, уходя от столкновения.

— Вы запомнили марку и номер машины?

— Это была отечественная машина, «Лада», вся такая грязная, полностью тонированная.

Номер я не запомнила. Мне не до того было. В первый момент я даже не связала одно с другим. Только когда опасность миновала, я поняла, что это был следующий намек.

— Намек на что? — уточнила я.

— Вероятно, на то, что мне недолго жить осталось. Я нахожусь в постоянном страхе, мне за каждым углом мерещится убийца, я вздрагиваю от каждого звонка и даже шороха. Все это отвлекает меня от работы. У меня сейчас несколько очень важных заказов, а вдохновения нет. Евгения, надеюсь, что благодаря вам ко мне вернется душевное спокойствие и я смогу работать в привычном режиме.

— Да, я готова прямо сейчас приступить к своим обязанностям. Для начала мне необходимо изучить здание, выявить все его слабые места, чтобы потом их устранить. Ваша секретарша может устроить мне экскурсию по всем помещениям, включая чердак и подвал, если таковые имеются?

— Видите ли, Евгения, я не хотела бы афишировать, что вы мой телохранитель. Никто, кроме моего мужа, не знает о той записке. Но и он не воспринял ее всерьез. Даже к тем сорным цветам с корнями, что были разбросаны в нашем подъезде, он отнесся просто как к мусору. Про «Ладу», пытавшуюся спровоцировать аварию, он сказал: «Мало ли хамов на дороге?» Но я считаю, что таких совпадений быть не может. Кто-то определенно хочет меня убить. Хорошо, что наш сын